

Анатолий
Ярмолюк

ПОСПОРИЛ **АНГЛАС**
ПЕГМОНОМ

Анатолий Ярмолюк

Поспорил ангел с демоном

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ярмолюк А.

Поспорил ангел с демоном / А. Ярмолюк —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

История, рассказанная в повести, никакая, по сути, не новость. Она – общеизвестна. Историю эту (или, другими словами, ситуацию) знали и наши деды, и прадеды, и прапрадеды, и все наши пращуры, начиная от Адама и Евы. Можно сказать, что на этой ситуации держится весь мир, зиждется вся человеческая жизнь от самого ее начала до последнего вздоха. И даже – после последнего вздоха.

Когда человек рождается на свет, к нему приставляются два незримых существа – Ангел и демон. Задача демона – всячески нас искушать, вынуждать делать разнообразные скверные поступки, дабы тем самым человек погубил свою душу. Задача Ангела обратная – удерживать человека от бесовских искушений и совершения нехороших поступков. Такой вот расклад... ..
Встретились однажды Ангел Господень и бес. Они были приставлены к одному и тому же человеку – герою повести Семену Вербицкому. Заспорили (а откуда нам знать – может, и вправду где-то там, в какой-то иной реальности, Ангел и бес ежедневно спорят о нашей жизни и судьбе?). Бес утверждал, что погубит бессмертную Семенову душу в кратчайшее время, Ангел же обещал Семена уберечь. И началась решительная битва – с вольным и невольным участием самого человека. С одной стороны за человеческую душу бился Ангел, с другой – бес. Демон – искушал, Ангел – предостерегал. Кто одержит победу в этой битве? Какова, соответственно, будет посмертная участь героя повести?

© Ярмолук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Анатолий Ярмолук

Поспорил ангел с демоном

Ангел помогает, а бес подстрекает.

Народная пословица

*Кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося
видеть ангелов.*

Исаак Сири, 41-е слово

Однажды в никому из смертных не ведомое время и уж тем более на никому из смертных не ведомых путях-дорогах произошла встреча. Встретились Ангел Господень и исчадие ада – демон. Разговорились. Само собою, больше говорил демон, Ангел же молчал и только изредка ронял короткие фразы. Вероятно, Ангел и вовсе не стал бы встречаться, а уж тем более беседовать с тварью из преисподней, ибо что может быть общего у света с тьмою, но, надобно сказать, у них, то есть у Ангела Божия и демона, имелась-таки некая общая тема для разговора, которой, при всем старании Ангела, избежать было весьма непросто.

Темой этой был некто Вербицкий Семен Юрьевич, тридцати лет от роду, имеющий дочь и жену на сносях и работающий инспектором в областном управлении по надзору за рациональным и законным использованием лесных ресурсов. Ангел Божий был у этого самого Вербицкого Ангелом-хранителем, демон же, наоборот, бесом-искусителем. Потому – как же им, то есть Ангелу и демону, было не встречаться при наличии общего интереса? Поневоле приходилось встречаться, вот ведь какое дело-то.

– Наш-то, – начал разговор демон, – каков! Любо-дорого смотреть: прямой дорогой идет в правильном направлении, то есть в преисподнюю! Без всякого, прошу заметить, стремления за что-либо уцепиться по пути!

– Я бы не стал торопиться с выводами, – коротко обронил Ангел Господень. – Его смерть еще не скоро... может, еще и образумится.

– Ха-ха! – хохотнул демон. – Напрасны, старинушка, все твои ожидания! Как же – образумится! Скорее – усугубит. Ну, ты сам посуди – с чего бы вдруг он взял да и образумился! В Бога не верует, в церковь, само собою, не ходит, о своей бессмертной душе, можно сказать, не размышляет, а потому и каяться не стремится. Я уже не говорю о более мелких грехах... да вот, не угодно ли: только позавчера он, пользуясь своим служебным положением, незаконно выписал три кубометра леса какому-то... на обустройство его дачи... как бишь его звать-величать, этого самого дачевладельца?... а, да неважно, как его звать, не в том суть... а наемдни он и вовсе получил незаслуженную премию! Да! Главное-то дело, осознавал, что премия незаслуженная, а таки ее получил – и глазом не моргнул, а ведь это полновесный грех – стремиться получить то, что не заработано тобой, так сказать, трудом и потом! Да вот, пожалуйста еще... у меня тут все записано... и то, что уже свершилось, и то, что свершиться обязано... через год или через десять лет – неважно. Так сказать, мои творческие планы... Ага... вот. Вот! Итак, старинушка, вообрази картину, которая случится лет этак через десять. Конторская... корпоративная, так сказать, вечеринка. Сама по себе такая вечеринка, может, и не шибкий грех, но – какими глазами он на этой самой вечеринке станет смотреть на свою новую сослуживицу... да что там глаза, дело даже не в глазах – какие у него при этом возникнут помышления в отношении этой сослуживицы! Просто-таки мое почтение, а не помышления! Срамные беспредельно, и это ли не грех!..

– Ну, а кто ему предварительно внушит подобные помышления? – спросил Ангел Господень.

– А это, старинушка, совершенно неважно! – опять коротко хохотнул бес. – Дело вовсе не в том, кто ему их внушает, а в том дело, что он эти помышления от себя не отгонит, не восстанет против них всеми своими силами и не станет с ними бороться, а совсем наоборот, будет лелеять их и творчески, так сказать, развивать... вот в чем дело-то! Да я ему, если хочешь знать, и сотой доли того не внушу, что он самостоятельно возомнит по поводу этой сотрудницы! И это, старинушка, когда-нибудь да случится – о чем, собственно, я тебя уже проинформировал. Ну и при чем тут, спрашивается, я? Что это за порядки, в самом деле! Чуть что – сразу поминать черта! Черт внушил, черт попутал... А как же они сами, люди? Ведь они, как известно, – творения самостоятельные, с правом выбора... наделенные свободной волей... по образу, так сказать, и подобию... при чем тут, спрашивается, я? Хи-хи-хи...

– И все-таки – я бы не стал торопиться с выводами, – повторил Ангел Господень. – Бывает – одно мгновение жизни переворачивает до основания все их дальнейшие помыслы и чаяния – и тогда отъявленный грешник становится образцовым святым.

– Ну да, ну да... – иронично заметил демон. – Минус, так сказать, становится плюсом, а плюс минусом... или что-то в подобном роде. Как же – слышали мы и о таком... предостаточно слышали! А только...

– И к тому же, – вел далее Ангел, не обратив внимания на реплику демона, – этот Вербицкий – вовсе не такой уж плохой: искренен, умеет любить и помогает тем, кто в беде, стало быть, способен к состраданию...

– А в Бога он все-таки не верует! – воскликнул демон. – Не верует он в Бога... и вот эта-то правда перевесит все твои жалкие доводы!

– Не все сразу, – сказал Ангел. – К Богу – дорога длинная и трудная. Это к вам она короткая и легкая.

– Ох, ох! – ухмыльнулся демон. – Начинается заумная софистика и прочая философия... а что такое – софистика и философия? Они – последний аргумент в споре, и пользуются такими аргументами те, кто, по сути, спор уже проиграл! Да-да! Когда иссякают стоящие аргументы, тогда и начинается всякая софистика, которая, по сути, есть сотрясение воздуха и ничего более! Старинушка! Ты лучше припомни, который этот Вербицкий по счету наш с тобой общий клиент? Всех и не перечтешь... Ну и много ли среди них наберется таких, которые предпочли твою долгую дорогу моей, короткой? Ну – много ли таких насчитается?

– Один спасенный, – сказал Ангел Господень, – ценнее всего сонмища падших. Тебе ли не знать?

– Опять-таки – софистика! – запальчиво воскликнул демон. – Потому что – какую ценность и какой смысл имеют эти твои слова для тех, кого ты называешь падшими? Ну, ответь – какую?

– Мои слова – не для мертвых, – сказал Ангел. – Они – для живых... для тех, кто имеет надежду на спасение.

– Для Вербицкого, например! – фыркнул демон.

– Поскольку я являюсь его ангелом-хранителем, то – и для него. Такова Божья справедливость.

– Ну, уж коли дело дошло до Божьей справедливости... – по-прежнему иронично и вместе с тем нервно сказал демон. – Что ж... Оставайся со своей Божьей справедливостью. А я – уж как-нибудь так... И поглядим в итоге, кто из нас более преуспеет в отношении нашего опекаемого – ты или я. Могу тебе заранее сказать: я! Я! Сострадание, умение любить и быть искренним... Ох, ох... Сколько их там, – демон ткнул пальцем вниз, – таких вот искренних и сострадательных! И он там будет – как дважды два!

– Я бы не стал торопиться с выводами, – в третий раз сказал Ангел Господень. – У него еще есть время...

– Ну-ну, – ухмыльнулся бес. – Время, чтобы сотворить еще больше грехов, чем у него имеется. Вот как возьмусь я за него по-настоящему...

– Души его касаться не смей! – предупредил Ангел.

– Ой! – скривился демон. – Души касаться не смей... Будто я сам не знаю! Сдалось оно мне – касаться его души! Да он сам мне ее принесет в свое время, и еще будет униженно умолять, чтобы я ее взял! Я, разумеется, возьму, но прежде...

– Имей в виду, – прервал Ангел, – что я его душу буду оберегать!

– А я, – кривляясь, сказал демон, – в это самое время буду играть в шахматы! Да-да, в шахматы! Ибо – кто есть я, и кто есть человеки? Я – игрок, а они – шахматные фигурки на доске, именуемой жизнью. Короли, ферзи, кони, пешки... у всех у них очевидные возможности и вполне предполагаемые ходы... кто – может ходить только по диагонали, кто – исключительно буквой «г»... словом, никаких отклонений от шахматных правил. Итак, я буду играть в шахматы. Я разыграю свой собственный, неповторимый и непостижимый ни для кого из них гамбит! Какую-нибудь неслыханную партию! Я сделаю всего лишь несколько изящных ходов, передвинув некоторые фигурки из одной клеточки на другую и из одной диагонали на другую диагональ! И – ничего более: все получится, как надо, и притом весьма эффектно! И вот тогда-то наш опекаемый самолично принесет мне свою бессмертную душу, о чем я уже, кажется, тебе говорил! Если желаешь, можем даже побиться об заклад...

Ангел не дослушал, взмахнул крылами и полетел. Демон посмотрел ему вслед и также подался восвояси.

...И прошло со времени той непостижимой встречи по земным меркам десять лет.

1.

Поздний вечер. Дети, 15-летняя Маринка и 10-летняя Галка, уже давно спят. Затихли за окном трамваи, зажглись фонари, дневные звуки сменились ночными, а жены Ирины все еще нет. Подумав о жене, Семен досадливо и устало скривился: опять, наверно, придет пьяная. Если будет в состоянии, то попытается солгать, что отмечала чьи-нибудь именины, сороковины, круглую годовщину какой-нибудь даты, задержалась на чьем-нибудь неожиданно образовавшемся юбилее... Хоть бы, зараза эдакая, пришла по-тихому и сразу улеглась спать: а то ведь начнет, как оно неоднократно бывало, выискивать повод для ссоры, поднимет шум, разбудит детей, ухватится, чего доброго, за нож, за уют, либо за любой другой тяжелый и убийственный предмет, что также неоднократно бывало...

Пить Ирина начала лет десять назад, аккурат вскоре после того, как родилась младшенькая, Галочка. Будто с какой-то невидимой цепи сорвалась окаянная баба! Из гулянки на гулянку, из запоя в запой! Попервоначально Семен недоумевал, просил жену образумиться, говорил про совесть, стыд, женин и материнский долг, пробовал даже жену бить... Но, будучи человеком кротким и мягким, в общем и целом он в этом деле не преуспел, а, скорее, совсем наоборот: почуяв мужнину мягкость и нерешительность, жена и вовсе пустилась во все тяжкие и зачастую не являлась домой по целой неделе!

Случалось иногда, правду сказать, в женином поведении и некое просветление. Она вдруг прекращала пить, споро бралась за обычную бабью домашнюю работу, стирала, жарила и парила, в доме начинало благоухать пирогами, обе девчонки со щебетом тянулись

к матери, да и сам Семен изрядно светлел душой – но такие просветления были нечасты и длились недолго, а потому – лучше бы их не было совсем...

Разводиться? За десять лет жениного безумства Семен о разводе думал часто, прикидывал так и сяк, вымеривал и сопоставлял... И по всему выходило, что развод – далеко не самый лучший выход. Во-первых, думал Семен, его жена Ирина какая ни есть, а все-таки – мать: другой матери у Маринки и Галочки все равно не будет. Во-вторых же – очень может статься, что при разводе обе дочери останутся за женой, иначе говоря, останутся с пьяницей-матерью – и что тогда делать? Тогда – пропадут обе девоньки, как пить дать пропадут! Да и вообще: развод – дело донельзя гадостное и муторное, а когда у тебя вдобавок мягкий и нерешительный характер, то тогда и вовсе...

Оставалось одно – терпеть и надеяться, что однажды, волею какого-то неизъяснимого случая все вдруг изменится к лучшему. Хотя, впрочем, о том, что когда-нибудь что-нибудь в жизни Семена может вдруг измениться, Семен по большому счету и не помышлял. Ему некогда было особо размышлять, а уж тем более – на столь абстрактную тему. Утром, отправив старшую дочь в школу, а младшую отведя в детский сад, он мчался на службу, вечером – со службы, дома работы также было невпроворот: шутка ли сказать – две взрослеющие не по дням, а по часам дочери, да еще пьющая и оттого непредсказуемая жена...

За все это время, то есть за все десять лет, в жизни Семена было лишь одно запоминающееся событие ли, приключение ли – неважно, как это назвать, да и не в названии, по большому счету, было дело... Здесь, кстати, надобно сказать, что единственное, в чем Семен проявлял даже для самого себя непонятное, какое-то истовое и целеустремленное упрямство – он упорно не желал никакой телесной близости с женой. Как начала его Ирина свой предосудительный образ жизни – так и исчезло у Семена всякое желание и стремление к близости. Даже тогда, когда на жену находило просветление и она становилась ласковой и намекающе нежной – даже и тогда Семен всячески стремился уклониться от близости, а когда такая близость все же изредка случалась, то была она со стороны Семена торопливой, скомканной, безрадостной, что называется с зубовным скрипом... Само собою, что подобное поведение мужа Ирине не нравилось, и, будучи пьяной, она не раз выговаривала ему на эту тему. Она выговаривала, а он – молчал, терпел и чувствовал, что, вероятно, он все-таки не прав, что, наверно, надобно как-то по-иному, но... Но иначе он отчего-то не мог. И – не хотел.

Ну и вот: однажды в жизни Семена случилось событие. В контору, где он работал, пришла новая сотрудница – молодая, разбитная, свободная в общении и манерах дама по имени Вероника. Это была первая часть события, вторая же часть заключалась в том, что спустя несколько дней после появления Вероники в конторе случился праздник: праздновали день рождения шефа Ивана Никитича. Вообще-то Семен в конторских празднествах участия обычно не принимал: какие уж тут праздники, не до праздников ему было при такой-то скомканной и хлопотной жизни. Но в тот день, помнится, в конторе, во-первых, выдавали жалованье, а во-вторых, у Семеновой жены Ирины как раз случилось просветление, а потому дети находились под таким-сяким присмотром – и Семен как-то помимо собственной воли решил развеяться, отдохнуть, отвлечься, развлечься, словом, принять участие во всеконторском торжестве.

Торжество было как торжество – что еще тут можно сказать? Сидели за столом, выпивали и закусывали, пели осанну шефу и танцевали, рассказывали анекдоты и зубоскалили... И – с какого-то момента Семен вдруг почувствовал на себе чье-то пристальное внимание,

чей-то изучающий взгляд исподтишка. Что такое, в чем дело, кому и по какой причине он вдруг стал интересен? Это была Вероника. Это именно она оказывала тайные, однако же весьма целенаправленные знаки внимания Семену. Три или четыре раза Семен перехватил Вероникин взгляд – и такой это был взгляд, что и законченному дураку все было бы ясно...

Заиграла медленная музыка, Вероника подошла к Семену и пригласила его на танец.

– Иногда, – пьяно смеясь, сказала Вероника, прижимаясь в танце к Семену, – даме приходится проявлять нахальство и брать инициативу в свои руки. Ну, а как же даме быть, если кавалер только то и делает, что сидит в своем углу и не обращает на даму никакого внимания? Должна сказать, что ты весьма неплохо чувствуешь на себе чужие взгляды... Я думаю, что ты – натура тонкая и трепетная. Я угадала?

– Да, я чувствовал на себе ваши... твои взгляды, – смущаясь, сказал Семен. – Хотя...

– Хотя ты и не понимаешь, для чего я их тебе дарила – ты ведь именно это хотел мне сказать?

– В общем, да... – вынужден был признаться Семен, потому что как раз такие слова он и собирался сказать Веронике.

– Ну, тут все просто! – вновь засмеялась Вероника. – Представь себе, что ты мне нравишься. Очень нравишься!

– Не представляю, – совершенно искренне сказал Семен, и такая искренность заставила Веронику откровенно расхохотаться. До такой степени откровенно, что все прочие остановились в танце и изумленно уставились на хохочущую Веронику: чему это, дескать, она так веселится?

– Ой! – сказала Вероника, закрывая ладошкой рот. – Чего это я, в самом деле?... Извини. Просто – мне никогда не приходилось раньше слышать подобного ответа. Другие мужчины на такие мои слова реагируют иначе, и говорят мне совсем не то, что сказал ты. Еще раз – извини.

– Коль так, то извиняю, – улыбнулся и Семен.

Танец закончился, они вернулись за стол и сели рядом. Теперь Вероника смотрела на Семена уже не таясь, но все едино своим прежним, многоговорящим взглядом. Хорошо было Семену от ее взгляда, тепло и немного тревожно. Кто и когда смотрел на него такими глазами? Его жена Ирина еще в то время, когда они только поженились, – а больше, кажется, никто и никогда. Вот именно – больше никто и никогда...

– Нет, и впрямь – ты очень интересный мужчина! – наливая вино себе и Семену, говорила между тем Вероника. – У меня родился тост: давай выпьем за тебя. Пускай это будет только наш с тобой, и больше ничей тост. Пускай это будет наша с тобой маленькая интимная тайна...

– Тогда – и за тебя! – поддержал правила этой смутно волнующей его игры Семен. – Интимная тайна, разделенная на двоих – это гораздо больше... ну, в общем понятно.

– Тогда – пьем на брудершафт! – сказала Вероника.

И они выпили на брудершафт. Губы у Вероники были теплые, упругие и сладкие...

Вечеринка между тем катилась к своему завершению, ее хмельные участники стали расходиться.

– Ну, а ты сейчас – куда? – спросила Вероника у Семена. – Домой к детишкам и своей стерве-женушке?

– Все-то ты обо мне знаешь, – сказал Семен. То ли от выпитого вина, то ли от близости Вероники у него кружилась голова: по-хорошему кружилась, волнующе...

– Все не все, а кое-что таки знаю, – усмехнулась Вероника и добавила с прежней намекающей откровенностью: – Но хотелось бы узнать кое-что и побольше. И, главное дело, поподробнее...

Семен растерянно молчал: он не знал, что ему ответить на такую откровенность. А вдруг он ответит, – а это будет не тот ответ? А и не отвечать нельзя, потому что ответить Семену хотелось. Ему хотелось ответить, ему хотелось быть рядом с Вероникой, ему хотелось... в общем, много чего Семену хотелось в тот вечер.

– А знаешь, что? – улыбаясь, сказала Вероника. – Поехали-ка ко мне в гости! Без церемоний! Я тебя приглашаю. Надеюсь, твои детки и твоя стерва-женушка какое-то время обойдутся и без тебя?

– Обойдутся, – вдруг охрипшим голосом сказал Семен, и вдруг поймал себя на нелепой мысли, что, коль Вероника приглашает его к себе да еще и на ночь глядя, то, стало быть, она живет без мужа. Не может же она приглашать его к себе домой, имея дома мужа или кого бы то ни было! А коль оно так, то... «Ну и дурак же я со своими мыслями!» – сам себя укорил Семен, и повторил: – Думаю, что обойдутся!

– Тогда ловим такси – и ко мне! – сказала Вероника.

И они вышли, сопровождаемые намекающими усмешками сослуживцев. Семен эти усмешки, разумеется, видел и прекрасно понимал их потаенную суть, однако ему было все равно. Для него сейчас главным смыслом была Вероника и ее манящая улыбка, а не какие-то там двусмысленные ухмылки сослуживцев. Ничего: посмеются, посудачат и перестанут. Их это не касается. У каждого – своя жизнь, и свой путь в жизни. Вот так-то.

Ехать оказалось недолго, всего каких-то пятнадцать минут. Приехали, поднялись на третий этаж, Вероника распахнула двери, включила свет...

– А вот и мой убогий уголок, – сказала она. – Живу я здесь одна: своего мужа я прогнала, детей не нажила, так что милости прошу к нашему шалашу!

Войдя, Семен осмотрелся. Вероникин убогий уголок был ничего себе – уютный, чистый, обставленный стильной мебелью. А главное, никакого мужского присутствия в

квартире не ощущалось и впрямь: любой нормальный мужчина, войдя впервые в чужую квартиру, может со стопроцентной уверенностью определить, пахнет или не пахнет мужским духом в этой квартире. В Вероникиной квартире никаким мужским духом не пахло.

– Ну что, осмотрелся? – спросила Вероника, выходя то ли из другой комнаты, то ли из ванной. Она уже успела переодеться: на ней был облегающий, из струящейся ткани халатик с серебряными пуговицами, которые Семену вдруг до чесотки в руках захотелось расстегнуть – немедленно и несмотря ни на что...

– Осмотрелся, – сказал Семен, невольно пряча руки за спину.

– Может, для начала выпьем вина? – с открытой, лукавой и все понимающей улыбкой спросила Вероника. – Или?...

– Или! – решительно сказал Семен, не в силах более сдерживать свои руки...

...Ну, а далее было то, что было. Следующим днем была суббота, а, значит, выходной. Умаявшись за ночь, Вероника и Семен проспали до десяти часов утра. Первым проснулся Семен: опершись на локоть, он долго и с нежностью смотрел на спящую Веронику. В конце концов, этот его пристальный взгляд ее и разбудил.

– Что? – спросила она, потягиваясь. – Почему ты так на меня смотришь?

– Любуюсь, – усмехаясь, ответил Семен.

– Да ну тебя! – отмахнулась Вероника. – Я с утра всегда такая страшная... растрепанная! Особенно после... – она не договорила и с лукавой усмешкой взглянула на Семена: мол, понимай сам, после чего я бываю с утра такая страшная и растрепанная.

– Ты – прелесть! – искренне ответил Семен.

– Я – прелесть! – захохотала Вероника, в восторге болтая ногами. – Потому что – я тебя прельстила! Я тебя соблазнила – разве это не так?...

В то утро у них было еще целых двадцать пять минут любви. Потом они пили на кухне кофе, а затем Семен стал собираться домой. Вероника, одетая во вчерашний халатик со струящейся ткани с серебряными пуговицами, молча наблюдала, как он собирается.

– Дети дома одни... – сказал Семен, обнимая на прощанье Веронику. – Так что хочешь не хочешь, а надо идти.

– Зачем ты оправдываешься? – спросила Вероника. – Разве я прошу тебя остаться? Я понимаю – дети. Дети – это хорошо. Это значит, что ты на свете не один...

– Мы еще встретимся? – спросил Семен.

– Ты этого и впрямь хочешь? – помолчав, спросила Вероника.

– Я – хочу! – твердо сказал Семен. – А ты?

– Не знаю... – ответила Вероника. – Пока – не знаю. Мне надо подумать...

– Что, имеются другие варианты? – не удержавшись, спросил Семен.

– Ну вот, – усмехнулась Вероника. – Как толькопустишь мужика к себе под одеяло, он тут же принимается считать тебя своей собственностью и начинает тебе хамить. Иди к своим детям. В понедельник встретимся на работе. Там и поговорим.

Когда Семен пришел домой, жены не было. Явилась он только к вечеру – пьяная, встрепанная, измятая. Ни она Семену ничего не сказала, ни Семен ей ничего не сказал, да и о чем было говорить? Семену все было понятно и без слов: его благоверная, несмотря на предосудительность своего собственного поведения, никогда не простит ему того, что он не ночевал дома. «Мне – можно, тебе – нельзя!» – как-то сказала она ему в пылу одной из ссор... Да и ляд с ней, с женой! Сейчас Семену было не до жены: его грели воспоминания о ночи, проведенной с Вероникой, он ждал понедельника и репетировал в уме предстоящий разговор с Вероникой. Теперь, кажется, он знал, что ей сказать, – а потому его будущее (их совместное с Вероникой будущее!) вырисовывалось очень даже заманчиво. Вряд ли, конечно, они с Вероникой когда-нибудь поженятся, потому что для этого Семену пришлось бы разводиться с женой. Да и сама Вероника вряд ли согласится на столь сомнительную для себя партию – мужа с двумя детьми в придачу. Но что им, то есть Семену и Веронике, помешает встречаться и проводить совместные ночи, а иногда, может, и дни? Ну а потом – поглядим... потом жизнь подскажет сама. Ах, Вероника, Вероника – какие же у тебя упругие и сладкие губы, как приятно было расстегивать на тебе халатик из льющейся ткани!.. А какие пуговицы у этого халатика! Большие, серебряные, количеством шесть штук! Он, Семен, помнит все эти пуговицы наперечет, он до сих пор ощущает их собственными пальцами! Ничего... ничего! Все у нас с тобой будет хорошо, милая Вероника, ничего другого и быть не может!..

* * *

Но – наступивший понедельник внес свои неожиданные коррективы. Вдруг заболела младшенькая, Галка: то ли простудилась, то ли еще чего. На жену рассчитывать не приходилось. Семен позвонил на работу шефу, объяснил ситуацию, и до самого обеда ждал прихода врача. Прибывший врач объяснил, что, в общем и целом, ничего в Галкиной болезни нет страшного, что это – обыкновенная простуда, произошедшая, скорее всего, из-за родительского недогляда: съел ребенок в жаркий день что-то холодное – и нате вам пожалуйста. С недельку за Галкой необходим тщательный, дневной и ночной, присмотр, а там дело должно пойти на поправку.

После обеда Семен, оставив в качестве сиделки старшую Маринку, все же пошел на работу. В принципе он запросто мог бы на работу и не идти, ибо шеф был в курсе, но – сегодня же у него должен состояться разговор с Вероникой! Хотя – Галкина болезнь могла изрядно переиначить этот разговор: во всяком случае, встретиться с Вероникой в ближайшую неделю Семен сможет вряд ли. На старшую, Маринку, хворую Галку надолго не оставишь, и на жену, понятное дело, никакой надежды не было также. Ну да ладно: что такое – неделя! Неделя – это всего шесть или семь дней, которые пролетят, будто семь пуль у виска: только один посвист и ощутишь... Все нормально, все просто обязано быть нормально!

По логике Степану вначале надо было бы завернуть к шефу, но он оставил шефа на потом, и подошел к Веронике. Она была на месте, и была такой же, как и позавчера, и одновременно – какой-то иной, загадочной и таинственной... Она взглянула на Степана, и Семену ее взгляд подспудно не понравился. Что-то такое было в ее взгляде, что-то такое... будто бы это была неприступная стена, а не взгляд. А, может, ничего эдакого во взгляде Вероники и не было, может быть, Степану все только почудилось, кто его разберет?

– Здравствуй, – сказал Степан. – Вот и я... то есть я хотел спросить – как твои дела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.